

тогда заповедь, данная Богом поэту, — *глаголом жги сердца людей* — имеет смысл, тайный и мудрый» [5:429].

Трагические события начала XX в., происходившие в России и требующие решительного и сознательного отношения к мировым катаклизмам, ставят перед поэтом очень ответственные задачи, с которыми не смогут справиться ни акмеизм, ни футуризм, ни внешний реализм, ибо только в символизме рассматривается музыка как представление *universalia ante rem* (общее прежде частного (лат.) — универсальное всеобщее), как объективация сокровенного, где необходимо, прежде всего, преодолеть и восстанавливать первообразы, «выковывать» новые ценности, обрести новый мистический опыт. Эти задачи сможет выполнить, утверждает Чулков, только символическое мироотношение, которое позволит «разгадать тайный смысл событий и достойно встретить будущее России», каким бы оно не оказалось.

На протяжении всего своего творчества Г. Н. Чулков не переставал заявлять о себе, как о символисте, определяя символизм как мироощущение, которое позволяет обнаружить в мире явлений не только механическую связь, но и закон постижения «неэвклидовым» умом. Выступая противником метафор, «бубенцов», «побрякушек», он считал их «злым врагом подлинного символизма».

Исследователь творчества Чулкова Мария Михайлова, сравнивая Андрея Белого с Георгием Чулковым, отмечает его главное достоинство: творчество Чулкова обращено к психологии времени и раскрывает напряженность идейно-эстетических исканий первого десятилетия XX в. Если Белый «развенчал» свои символистские увлечения, то Чулков присягнул им на верность и смог реабилитировать символизм, ибо «только символическое мироотношение позволяет нам разгадать тайный смысл событий и достойно встретить будущее России» [10:429].

ЛИТЕРАТУРА

1. Белый А. Символизм как миропонимание. М.: Республика, 1994.
2. Бердяев Н. О русской философии / Сост. Б. В. Емельянов, А. И. Новиков. Ч. 2. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1991.
3. Блок А. Собр. соч. В 8 т. М. -Л., 1962. Т. 6.
4. Блок А. Собр. соч. В 6 т. Л.: Художественная литература, 1983. Т. 6.
5. Ницше Ф. Рождение трагедии из духа музыки/Стихотворения. Философская проза. СПб.: Художественная литература, 1993.
6. Русское богатство. 1904. № 5.
7. «Слепые» / Чулков Г. И. Валтасарово царство. М.: Республика, 1998.
8. Чулков Г. И. Валтасарово царство. М.: Республика, 1998.
9. Вопросы жизни. 1905. Апрель-май.
10. Чулков Г. И. Оправдание символизма / Чулков Г. И. Валтасарово царство. М., 1998.
11. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. Мн.: Литература, 1998.

Григорий Зиновьевич МЕЛЬНИЦЕР —
доцент кафедры журналистики
филологического факультета,
кандидат филологических наук

УДК 32.001

МИФ И РИТУАЛ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКЕ

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается механизм функционирования политических мифов в массовом сознании и их отражение в современной российской политике, анализируются мифологемы «враг», «хаос», «лидер», а также вскрывается ритуально-мифологический подтекст предвыборных кампаний.

A mechanism of functioning of the unconscious political myths as well as their reflection in modern Russian political system is treated in this article. The author analyses the myths of «enemy» «chaos» «leader» and also reveals the mythological and ritual foundations of election campaign.

1.

Интерес к политической мифологии в целом лежит в русле тенденции ремифологизации, затронувшей в истекшем столетии как область художественного творчества, так и гуманитарные и социально-политические науки. В области научного знания структуры мифологического мышления вышли за рамки антропологического изучения и выступили в качестве языка описания и средства интерпретации явлений, имеющих к мифу, на первый взгляд, весьма далекое отношение. Политическая система современных государств, рассмотренная в мифологическом контексте, также стала благодатной почвой для применения разнообразных концепций и исследовательских стратегий. Результаты такого рода исследований, в конечном счете, определяются трактовкой базового понятия «миф» и тем, насколько глубоко мифологические структуры инкорпорированы в научную методологию. Но совершенно очевидно, что исторический горизонт таких неомифологических интерпретаций политической жизни задается актуальной современностью, в которой живет и работает их автор.

Действительно, кризисное мироощущение, распространившееся в Европе после Первой мировой войны, рождает неомифологическую концепцию циклического исторического развития у О. Шпенглера [1]. Эта концепция, в сущности, восходит к архаическим представлениям о времени как о чередующихся циклах, зафиксированным в мифах и фольклоре большинства народов. Э. Кассирер, стоявший на совершенно иных методологических позициях, пишет работу «Миф государства» [2] под непосредственным впечатлением от реалий нацистской государственной политики, а появление книги А. Розенберга «Миф XX века» было обусловлено потребностями идеологического обоснования этой самой политики, рассматривавшейся Розенбергом как победившее настоящее и неизбежное будущее великой Германии.

Совершенно иную интерпретацию политическая мифология получила в условиях партийно-советских политических реалий недавнего прошлого. В разные годы с разоблачениями «мифов» агрессивной империалистической политики и средств массовой информации западных государств выступали многочисленные отечественные исследователи [3-5]. С началом перестройки разоблачительный раж с легкостью переносится на политическую мифологию советского государственного строя. В эти годы переводятся исследования американского социолога П. Бергера, одно из которых носит характерное название «Социалистический миф» [6]. Миф приравнивается к социальной утопии С. Заславским [7], ко лжи, намеренной фальсификации исторических фактов Г. Жирковым [8], к социальному самообману К. Исуповым [9]. Сходные позиции занимают многие другие, ныне почти забытые, публицисты перестроечных лет, обращавшиеся к проблеме политической мифологии.

Спустя недолгое время выяснилось, что идеология демократического общества и его государственные институты коренятся в мифе так же, как идеология общества тоталитарного. Очень скоро появляются работы, авторы которых демифологизируют сначала общественно-политические взгляды отечественных «демократов», то есть мировоззренческую основу демократии [10], затем — ее лидеров [11] и, наконец, главный механизм ее функционирования — выборы [12]. Другими словами, научный дискурс о демократической мифологии рождается одновременно с демократией, что лишний раз подтверждает протеическую сущность, а, значит, и вечную современность политического мифа, который исторически видоизменяется вместе с обществом и всякий раз вслед за социальными катаклизмами вновь актуализирует необходимость говорения о себе.

2.

Цель любой предвыборной кампании – «мобилизация электората» или его «консолидация» [13]. При таком подходе чаяния и нужды отдельного избирателя расплавляются в некой совокупности политических интересов, выразителями которых объявляют себя кандидаты на тот или иной пост. Упомянутая выше консолидация электората не представляет особых сложностей в странах, где давно сложились устойчивые социальные группы, дифференцированные по политическим и экономическим критериям. Ведущие политические партии в США, Великобритании или Франции опираются на них, как на фундамент, и в значительной мере выражают их интересы, сформировавшиеся в ходе длительного исторического развития. Но в странах СНГ консолидация электората сопряжена с серьезными проблемами, вызванными отсутствием четкой социальной дифференциации. Такое наследие досталось нам от советского строя, нивелировавшего все имущественные и социальные различия. Едва сложившиеся к настоящему моменту социальные группы не имеют четких границ, их члены не связаны внутренним единством и легко теряют признаки групповой принадлежности. В эпоху перманентного экономического кризиса переход из рабочих в бандиты, а из военных в фермеры может быть осуществлен буквально в одночасье. Как следствие — отсутствие стабильных электоральных групп и четко выраженных политических и партийных предпочтений.

В этих условиях и сами партии столь же аморфны и неустойчивы. Они легко создаются (СПС), сливаются друг с другом («Единство» и «Отечество») или вовсе исчезают с политической сцены (НДР). Современное партийное строительство почти всецело зависит от индивидуальной воли отца-основателя, от мифологической фигуры родителя, создающего из небытия уже готовых к политической жизни «детей», счастливо миновавших этап исторического взросления. Неудивительно, что политический процесс в России тяготеет к персонификации, к мифологическому отождествлению партии и ее лидера, коллектива и его члена. В стране, на протяжении десятилетий страдавшей от «экспериментов» ее вождей, надежды многих избирателей по-прежнему связываются с личностью, а не с партией как таковой, с фигурой героя, а не с системой ценностей. Отсюда и слабая предсказуемость итогов выборов, почти всецело определяющихся эмоциональным отношением к кандидатам и коллективным упованием на способность лидера к совершению политического чуда, а чудо, творимое вождем племени — неперенный элемент архаической политической культуры [14].

Иррациональность современной действительности тесно связана с тяготением массового сознания к мифу, ставшим одним из условий функционирования российской политической системы. Э. Кассирер был, безусловно, прав, когда связывал возрождение политической мифологии с кризисными моментами в жизни общества: «Во все критические моменты социальной жизни человека рациональные силы, до этого успешно противостоявшие воспроизводству древних мифологических представлений, уже не могут чувствовать себя столь же уверенно» [15].

Но, помимо этого, миф предлагает себя в качестве общедоступного метаязыка, с помощью которого дешифруется непонятная и пугающая реальность. Пусть мифологическая картина мира всегда упрощенна и бездоказательна, но именно в силу этого она находит отклик у значительной части общества. Будучи еще не в состоянии самоутвердиться в реальном мире посредством рациональной продуктивной деятельности, массовое сознание апеллирует к иррациональной природе мифа, превращая его в один из способов упорядочения социального космоса. В политических реалиях сегодняшнего дня миф в полной мере сохраняет свою интерпретирующую потенцию.

3.

О том, что это действительно так, свидетельствует, в частности, поразительная живучесть пресловутого «образа врага». Со второй половины 80-х гг. утвердилось мнение, что «образ врага» злонамеренно создавался советской и американской пропа-

гандой и что этот искусственно созданный политический миф не имеет ничего общего с действительностью. М. Розин и Д. Давыдов, подробно анализируя мифологию основных политических движений времен перестройки, выделяют четыре характерных признака образа врага, который всегда: «...является тайным (он не персонифицирован), хитроумным (способным строить самые сложные планы), всепроникающим (им организованы все важные события), носителем злой воли» [16]. Думается, что это определение верно и в отношении современности. Из него, в частности, следует, что устойчивая воспроизводимость в различных ипостасях на территории СНГ этой мифологемы не может быть объяснена одним лишь информационно-пропагандистским воздействием. Видимо, «образ врага» помогает массовому сознанию в истолковании политических процессов, пусть даже такое толкование является заведомо ложным.

Кроме того, «образ врага» отвечает глубинной потребности социального коллектива в единении и сплоченности на основе общих ценностей. Внутренне не структурированным постсоветским обществам необходимы внешние границы, которые становятся ощутимы только в результате столкновения с социально чуждым, и одной из таких границ является мифологема «чуждое, значит, враждебное».

Эта бессознательная потребность людей была тотчас же оценена политическими деятелями, которые стали активно использовать мифологический мотив столкновения с чуждым как важнейший козырь в предвыборной борьбе. Совсем необязательно это столкновение должно принимать формы прямого военного конфликта, мифологической «битвы за правое дело». В век информационных технологий защита ценностей социального коллектива чаще всего выражается в редуцированном виде – как громогласные заявления кандидатов, словесные баталии в телеэфире или на страницах газет, что, однако, нисколько не влияет на остроту переживания «чуждости чужого». Политики, осознающие консолидирующую функцию образа врага, используют его и в целях укрепления собственной власти, как, например, Э. Шеварднадзе, который в 1993 г. сумел перенаправить общественное недовольство в Грузии на абхазских сепаратистов. Как следствие, в течение нескольких месяцев он превратился из непопулярного лидера в защитника общенациональных интересов, и эту роль он бы сохранил при любом исходе военного противостояния с Абхазией.

В республиках Средней Азии с середины 90-х гг. в образе врага выступают экстремистские религиозные организации. Такие мифические черты этих политических сил, как таинственность, хитроумность и злая воля сослужили, как это ни парадоксально, хорошую службу режимам Каримова и Рахмонова. И тот, и другой сумели переломить опасные тенденции, угрожавшие их власти, подвести единый социальный фундамент под существующие государственные институты и сплотить массовое сознание, вернув его в рамки привычной мифологической оппозиции «свои–чужие».

Властями Белоруссии врагами «назначены» международные организации (от ОБСЕ до ЦРУ), чья мнимая «разрушительная и подрывная деятельность» послужила мифологическим обоснованием политики Лукашенко и главным аргументом во время его предвыборной кампании летом 2001 г. В России в роли одного из мифологических врагов выступают чеченские сепаратисты — невидимые, злокозненные и коварные, террористическая активность которых подозрительно совпала с началом предвыборного марафона по выборам президента в 1999 г. Только борьба с ними, представленная как защита общенациональных интересов, позволила Путину победить уже в первом туре.

Мифологема врага успешно используется и в российских регионах. Мифологическая риторика неотделима, например, от заявлений бывшего губернатора Краснодарского края Н. Кондратенко: «... недруги мобильны разумом, очень энергичны, пронырливы, на них работают аналитики за океаном. Не успеет одна ложь обнаружиться, как тут же подоспеет новая» [17]. В Курской области новый губернатор

Михайлов активно клеймил «сионистский заговор», а предвыборная кампания Ю. Рокецкого прошла под знаком конфронтации с «северными недругами», раскольниками, мешающими единству Тюменской области...

4.

Не менее важной составляющей современного политического мифа является мифологема хаоса. Этот миф, подспудно присутствующий и в нашей повседневной жизни, особенно активно педализуется во время предвыборных кампаний. Каждый кандидат, стремящийся занять государственный пост, усиленно создает картину общества, погрязшего в скверне, грехе и болезнях. Хаос и беспорядок служат мифологическим фоном для будущей продуктивной деятельности кандидатов, поэтому акцентирование хаотичности окружающего мира естественным образом дополняется обещаниями устранить недостатки, восстановить порядок, «возродить Россию». Это стремление к «возрождению» имеет мифологические корни: за ним стоит свойственное мифологическому сознанию восприятие времени как непрерывного повторяющегося цикла смерти-возрождения. Неслучайно хаотичное настоящее в предвыборных заявлениях кандидатов часто противопоставляется мифологизированному прошлому, которое создает необходимый контраст и может выступать в качестве идеальной модели будущего.

Нет надобности рассуждать о том, насколько достоверен образ хаотичной реальности. Важно то, что в конечном счете он базируется на мифологических представлениях об изначальном хаосе, предшествовавшем появлению упорядоченного космоса. Политическое мышление в России основывается на древнейшей мифологической оппозиции «хаос – порядок», в рамках которой получают осмысление как исторические события, так и явления современности. Обещание «добиться стабильности» служит необходимым дополнением к ситуации изначального беспорядка. Современные политические актеры берут на себя мифологическую роль победителей хаоса и творцов «возрожденного» к новой жизни социального космоса. Бессознательно они пытаются соответствовать мифологическому архетипу культурного героя, а массовое сознание уже изначально готово наделять политика мифологическими свойствами, ведь он, по словам Кассирера, является «персонификацией коллективных желаний» [15]. В условиях социального кризиса и отсутствия четких политических ориентиров массовое сознание тяготеет к сильному лидеру, вождю, который «способен сплотить вокруг себя все общество».

5.

Интересную концепцию российской политической мифологии выдвинула Е. С. Козина, которая предлагает прочитывать ее в категориях волшебной сказки [См.: Козина 1999]. Последовательно соотнося композиционные элементы сказочного сюжета с основными моментами политической борьбы во время избирательных кампаний, Козина делает вывод об их принципиальной изоморфности. В рамках структуралистской методологии политический миф наполняется новым и неожиданным содержанием: российские политические лидеры обрастают сказочными чертами, а предвыборная борьба укладывается в изначальную фольклорную матрицу. Вместе с тем, следует указать на один важный недостаток такого подхода. В сказке элементы сюжета обусловлены причинно-следственной связью и увязаны в общей динамике развития действия, но для Козиной важна не связь сказочных событий, а их соотнесенность с современностью, поэтому она и превращает динамические элементы сказочного сюжета в статические знаки политического процесса.

Но если избавиться от излишней прямолинейности в стремлении свести политическую современность к единому мифологическому или фольклорному истоку, то окажется, что базовой структурой российского политического мифа является не волшебная сказка, а стадийно предшествующий ей комплекс представлений, нашедший отражение в космогонических, героических и календарных мифах.

Действительно, в подтексте современных предвыборных кампаний лежит космогонический миф о борьбе с хаосом и финальной победе над ним. В искусственно воспринятых с Запада избирательных технологиях успешно функционирует свой, «доморощенный» миф о культурном герое, сражающемся с врагами – демонами, чудовищами, драконами, которые каждый раз символически умерщвляются кандидатами во время предвыборной борьбы. Победенные мифологические враги отбрасываются на периферию общественного сознания, но только для того, чтобы вновь «воскреснуть» из небытия к началу очередной предвыборной кампании – в полном соответствии со своей хтонической природой.

С другой стороны, современные «демократические» выборы выступают в качестве ритуальной параллели и необходимого дополнения к базовой структуре политического мифа. С помощью выборов происходит ритуальное пересоздание социального космоса, восстановление (всегда временное) утраченного миропорядка. Мы здесь имеем дело с ритуалом, обладающим той же семантикой, что и древнейшие ритуалы и смежные с ними календарные мифы, связанные с культами божеств плодородия. В ритуальном разыгрывании предвыборного спектакля постсоветский социум бессознательно реализует потребность в обретении прочных основ своего будущего существования, то есть мотивирующая функция современного политического мифа, порождающего ритуал «выборов», ничем не отличается от мифологической мотивации ритуальных действий сельскохозяйственной общины, заручившейся поддержкой богов на следующий сезон во время весенних аграрных празднеств. Несмотря на то, что в голосовании участвуют далеко не все члены «общины», именно во время выборов усиливается спавшее сознание коллективного единства и общности интересов. Утратив всякую связь с цикличностью природных процессов и материально-хозяйственной «почвой», демократический ритуал по-прежнему выступает в роли «обновителя» социальной жизни, сохраняя при этом функцию удержания символического пространства универсума, что в принципе равнозначно удержанию социума.

Эта функция политического мифа особенно важна для российской демократии, которая, в отличие от рационалистической политической культуры Запада, не имеет возможности опереться на историческую традицию. Только этим обстоятельством объясняется устойчивое бытование мифологических представлений, создающих внеисторическую картину мира и тем самым избавляющих от необходимости ее осмысления. Видимо, до тех пор, пока не станут стабильными связи политической системы с социальными институтами, а в общественном сознании не возобладают рационалистические элементы, на политическом лице современности будут проступать черты архаической мифологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шпенглер О. Закат Европы. М., 1993.
2. Кассирер Э. Техника современных мифов // Вестник МГУ. Сер. 7. Философия. 1990. № 2.
3. Живейнов Н. И. Капиталистическая пресса США. М., 1956.
4. Власов Ю. М. Средства массовой информации и современное буржуазное государство. М., 1985.
5. Матвеев В. А. Империя Флит-стрит. М., 1964.
6. Бергер П. Социалистический миф // СОЦИС. 1990. № 7.
7. Заславский С. Обновление общества и социальная утопия // Вестник МГУ. Сер. 12. Политические науки. 1990. № 4.
8. Жирков Г. Проблемы изучения механизма мифологизации в журналистике // Вестник МГУ. Сер. 10. Журналистика. 1992. № 3.
9. Исупов К. Г. Мифология истории и социальный самообман // Вестник высшей школы. 1989. № 7.
10. Розин М., Давыдов Д. «Три кита» советской политической мифологии // Даугава. 1990. № 12.

11. Щербинина Н. С. Политика и миф // Вестник МГУ. Сер. 12. Политические науки. 1998. № 2.
12. Козина Е. С. Композиция волшебной сказки как базовая структура современной политической мифологии в России // Вестник МГУ. Сер. 10. Журналистика. 1999. № 3.
13. Там же. С. 17
14. Щербинина Н. С. Политика и миф // Вестник МГУ. Сер. 12. Политические науки. 1998. № 2.
15. Кассирер Э. Техника современных мифов // Вестник МГУ. Сер. 7. Философия. 1990. № 2. С. 60
16. Розин М., Давыдов Д. «Три кита» советской политической мифологии // Даугава. 1990. № 12. С. 67.
17. Кондратенко Н. И. Иначе не спасемся // Советская Россия. 2001. 5 июля.

*Альбина Владимировна КИГЕЛЬ —
ассистент кафедры журналистики
и гуманитарных наук
Нишневартовского экономико-правового
института
(филиал Тюменского госуниверситета)*

УДК 070+659.4

СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ КАК СУБЪЕКТ ПАБЛИК РИЛЕЙШНЗ

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются вопросы, связанные с функциями средств массовой информации в сфере публик рилейшнз (ПИАР). Особое внимание уделяется взаимодействию категорий средств массовой информации и получателя информации.

The author tackles the issues connected with mass media functions in the sphere of Public Relations. Special attention is given to the interrelation of the category of the medium and that of the recipient.

Выпущено немало научных трудов, методических рекомендаций, учебных пособий и справочников для журналистов. Есть несколько периодических изданий, таких как «Журналист», «Профессия журналист», «Среда», помогающих начинающим журналистам сориентироваться в этой многогранной, творческой профессии, позволяющих мэтрам журналистики поделиться опытом, пообщаться с коллегами. Так же грех жаловаться пиарменам на отсутствие источников теоретических знаний и принципов, необходимых для работы. Однако ряд вопросов, касающихся конкретных особенностей активного взаимодействия средств массовой информации с публик рилейшнз, требует дополнительных исследований и определяют теоретическую значимость поставленной проблемы.

Существует отдельный, недостаточно изученный, новый пласт в области взаимодействия ПР и журналистики. В данном случае не специалисты ПР используют СМИ для выполнения своих проектов, а сами СМИ выступают в роли субъекта ПР.

Использование ПР-приемов в позиционировании СМИ, конечно, очевидно для специалистов. Но каких-либо исследований, превратившихся в теоретические обоснования, научной литературы, доступной широкой публике, пока нет. Средства